

УДК 1(091)(470)

© Ю.В. Аленкова

ИМЯ И КУЛЬТУРА В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА НАЧАЛА XX в.

В начале XX века в России в трудах представителей философского крыла русского символизма (А. Белый, Вяч. Иванов, П.А.Флоренский) была создана оригинальная культурологическая концепция, важное место в которой занимали проблемы языка.

Обращение русских символистов к философии языка обусловлено тенденциями развития западной и русской философии начала XX века, формированием в ней онтологической языковой парадигмы, представлением о языке как «доме бытия». Тезис о бытийственности языка станет основой философии языка от Ф.Ницше до М. Хайдеггера.

Говоря о предпосылках развития философии языка русского символизма, необходимо отметить характерную для русской культуры особую чувствительность к проблемам языка, на что обращает внимание А. Доброхотов: «Язык в русской культуре был пространством, относительно свободным от вмешательства властей. Поэтому он стал хранителем всего того, что в западной культуре хранилось в благополучно распределенных областях богословия, философии, права, морали, и т.д. Отсюда же и глубинная связь языка, литературы и веры, на поверхности принимавшая весьма парадоксальные формы (например, многократно отмеченная религиозная природа русского атеизма). Философскому символизму «серебряного века» пришлось «отрефлексировать» эту связь, сделать ее явной» [2, с. 50].

Важнейшая проблема, которую будет решать русский символизм – проблема базисных оснований языка. Эти поиски сконцентрируются вокруг двух путей, которые приведут к формированию исследовательских установок русских символистов. Первый – путь А. Белого, обусловленный его неокантианскими пристрастиями, на котором он будет развивать учение о слове как символе параллельно с поисками формообразующего принципа, скрытого за символическими формами, фактически предвосхитив в этой области исследования Э. Кассирера. Другой путь, связанный с традициями и развитием религиозной философии в России, на котором, по замечанию Н.К. Бонецкой «филология предстает в качестве своеобразной онтологии» [1, с. 148], пройдут П.А. Флоренский и Вяч. Иванов. Теоретический фундамент этого пути заложен в трудах П.А. Флоренского. Особенностью его работ в этой области является концентрация внимания не столько на языке как системе или стихии, сколько на анализе первичных языковых ячеек – слова и имени.

Основанием философского осмысления проблемы языка и символа стали платонические ориентации русского символизма. Благодаря платонизму в русском символизме формируется именная парадигма языка, в которой акцент будет сделан на интерпретации имени и слова как первичных, базисных ячеек языка.

Философия языка русских символистов связана с теорией реалистического символа П.А. Флоренского и Вяч. Иванова. В работе «Общечеловеческие корни идеализма» П.А. Флоренским намечены подходы к раскрытию именной парадигмы языка. Он утверждает происхождение философии Платона из древних магических воззрений человечества. Народные представления,

вроде представлений о китах, которые держат землю, об огненном змее и т.п. Флоренский уподобляет кантовским «вещам в себе», о коих не спрашивают, но в существовании коих не сомневаются. Крестьянина эта неведомость не страшит, ибо для него обуздывать потребность в познании – такая же добродетель, как обуздывать жадность в еде или полагать предел похотям плоти. Но в народе есть те, кому ведомо неведомое – ведьмы, ведуны, кудесники, маги. Их магические способности обусловлены наличием в их духе идеи, их вхожестью в мир идей. Идея кристаллизуется в слове. Отсюда особый статус слова в магии. Оно является ключом в мир неведомого (в мир идей). Однако П.А. Флоренский не останавливается на характеристике слова как познавательного инструмента, а утверждает его субстанциальность, его реализм: слово есть сама реальность. «Слово кудесника вещно. Оно – сама вещь. Оно поэтому всегда есть имя; магия слов – магия имен. Имя вещи и есть субстанция вещи» [3, с. 159].

Таким образом, центром магического воззрения выступает слово-имя. Оно мыслится неким духовным существом, двойником вещи. Народная вера в бесчисленных персонажей фольклора, по Флоренскому, зиждется на представлении о них как двойниках мест, стихий, вещей, ипостасными именами которых и являются эти существа. Имя человека также является мистической реальностью, его трансцендентальным субъектом. Оно alter ego своего носителя, отсюда – охранение имени в виде псевдонимии, полинимии, криптонимии и др. П.А. Флоренский уподобляет имя платоновой идее, которая одновременно объективна и субъективна: имя и орудие познания (орудие магического проникновения в действительность), и сама познаваемая реальность. Имя, таким образом, является «метафизическим принципом бытия и познания.

Стержем всех работ П.А. Флоренского, посвященных языку, является тезис о магичности слова, что из уст православного священника звучит парадоксально. Употребление слова «магия» о Павле объяснял своим особым пониманием его значения. Это слово объединяет языческое и христианское миропонимание. Язычество, как и христианство, признает «тайнства» и «откровение», их разделяет лишь разная духовная высота. Магия – лишь общение человека с кем-то – будь то светлые или темные силы. Этим объясняется такое почтительное отношение к людям, владеющим навыками манипуляцией словами в разных культурах.

Новый импульс развитию философии языка русского символизма придали события, связанные с Афонской смутой и спором имеславцев и имяборцев.

Вопрос об Имени Божиим (является ли Имя Божие Божественной сущностью или Божественной энергией, или оно ни то, ни другое, а лишь чисто человеческое наименование) уходит своими корнями в глубокие исторические пласты христианской культуры, берет начало в восточной патристике, отражается

в борьбе византийских иконоборцев и иконопочитателей VII века, проходит через западную философскую традицию, запечатлевшись в средневековом споре реалистов и номиналистов, а также опирается на паламитский спор о Фаворском свете XIV века. Симпатизируя имяславцам, П.А. Флоренский в то же время видит в формуле «Имя Божие есть Сам Бог» отсутствие теоретической и философской платформы. Формула Флоренского «Имя Божие есть Бог и именно Сам Бог, но Бог не есть имя Его, ни Самое Имя Его» [4, с. 300] возникла благодаря введению им в круг имяславской и имяборческой полемики понятия символа, в определении которого важнейшими составляющими являются категории сущности и энергии. Подведение Имени Божия под понятие символа позволило признать в Имени Божиим Божественную реальность и в то же время, признать природу Бога отличной от природы имени. В своем понимании имяславия П.А. Флоренский выходил за рамки богословского спора и рассматривал имяславие как «исконное ощущение человечества». Участие в этом обострило интерес к проблемам слова и имени, став почвой для исследования проблемы языка как культурологической проблемы.

Особая уплотненность энергии слова, сгусток духовных сил содержатся в имени. Имя, по П.А. Флоренскому, – символ, бытие, большее самого себя. С одной стороны имя – метафизическая сущность, с другой – энергия, посредством которой эта сущность себя проявляет. Как сущность или субстанция, имя представляет свой замкнутый мир, как энергия, оно способно воздействовать на своего носителя, формировать его. Так П.А. Флоренский приходит к выводу об имени как типе личности и создает типологию имен. Он утверждает онтологическую первичность имени по отношению к своему носителю. Имя задает тип, норму бытия, идею, которую выражает носитель имени в своей жизни. Стереотипная формула житий святых «по имени – житие». Святой наиболее ярко выражает идею, заданную именем. Жития святых стоят у верхнего полюса культуры, у нижнего находятся типы сказок, поговорок, литературные типы, житейские наблюдения, которые дают определенность народному представлению о характере того или иного имени.

Имя собственное является категорией истории и формой культурной памяти. В обществе имена проявляют себя как фокусы социальной энергии. «Окончательная утеря имени общественно всегда означало гражданскую и историческую смерть, окончательное исчезновение с горизонта истории; напротив, вхождение в историю, закрепление в ней своего места, своей реальности всегда обозначалось как «создание себе имени», высшей степенью чего является вечная память имени соборным сознанием Церкви и, наконец, Богом» [3, с. 207]. П.А. Флоренский обращает внимание на то, что совокупность имен, выдержавших испытание временем, численно мала. Выдумать новое имя – затея столь же дерзкая, как выдумать новую религию.

Каждое новое имя потрясает недра культуры. Сегодня мы это с очевидностью понимаем, когда задумываемся о процессах переименований городов, улиц и пр. как в первые годы Советской власти, так и пост перестроечное время. Имяславие в таком контексте выступает не просто теоретическим спором, а типом культурной деятельности, направленном на охранение внутренней сущности имени. Противоположным ему типом деятельности является имяборчество, которое через вторжение во внутреннюю сущность имени разрушает его, а, следовательно, разрушает и сами культурные основания.

Имена, таким образом, являясь архетипами духа, существуют как «некоторый наиболее устойчивый факт культуры и важнейший из ее устоев» и могут рассматриваться как форма культурной памяти. Таков вывод, который переводит П.А. Флоренского из области философии языка в область культурологии. От ранней работы «Общечеловеческие корни идеализма» и до работы «Имена» русский мыслитель проделал путь от понимания имени как универсалии в духе средневекового реализма к пониманию имени как универсалии культуры. Имя в его теории является той ячейкой, в которой сходятся бытийственные, социальные, исторические линии, фокусируется творческая работа духа и духовная энергия народа.

Л и т е р а т у р а

1. *Бонецкая, Н.К.* Борьба за Логос в России в XX веке / Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 148–169.

2. *Доброхотов, А.* Мир как имя / А. Доброхотов // Логос. – 1996. – № 7. – С. 47–61.

3. *Флоренский, П.А.* Сочинения: в 4 т. / П.А. Флоренский; сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – Москва: Мысль, 1999. – Т. 3(2).

4. *Флоренский, П.А.* У водоразделов мысли / П.А. Флоренский. – Москва: Правда, 1990. – Т. 2.